

Их путь вел на север, вдоль реки, по старой приподнятой тропе, которая была немногим больше песчаной косы, сопровождавшей реку, когда она изгибалась на север. Людмила отпустила руку Момона вскоре после того, как к ней вернулась большая часть самообладания, чувствуя, что это, вероятно, помешает его работе в качестве ее сопровождающего. Кроме того, чтобы добраться до Э-Рантеля по сухопутным путям, потребуется больше недели, и мысль о том, что ее будут изящно водить за руку всю дорогу, казалась по меньшей мере неловкой. Вместо этого она пристроилась в нескольких метрах позади него, их шаги повторяли след на мокром песке, который он оставил, приближаясь к деревне. Наби снова куда-то улетела, как только они улетели, и в небе не было никаких признаков ее присутствия, когда они пробирались вдоль берега реки.

Хотя Момон ранее выражал свое любопытство по поводу того, как именно ее обнаружили в ее плачевном состоянии, пара молча продолжила путь под звуки жизни на болоте и речного течения в качестве единственного аккомпанемента. Она не была уверена, был ли он внимателен к ее недавнему эпизоду или просто хотел, чтобы она не отставала от его быстрого темпа и обсуждала вещи после того, как они разобьют лагерь, но она оценила возможность разобраться в себе тем временем.

Солнце, сильно затянутое облаками, уже опустилось за западный гребень долины, когда они приблизились к северному краю. Здесь река становилась все глубже, пока долина не превратилась в глубокое ущелье, по которому уже нельзя было следовать вдоль его берегов. В этом месте тропа поворачивала в гору, следуя вдоль большого ручья, который впадал в реку по ряду каскадов. Людмила повернулась, чтобы посмотреть на свой дом с гребня водопада. Мрачная тень легла на долину, когда свет померк, и над головой стусились темные тучи. Конец зимы часто сопровождался ее последними вздохами – приступами снегопада, из-за которых доступ в высокогорную долину через холмы был практически невозможен до тех пор, пока, наконец, не установилась более теплая погода.

Вздохнув, она понадеялась, что сможет найти обратный путь по реке, когда вернется из столицы. Она молилась, чтобы Богдан тоже смог безопасно пересечь высокие перевалы в Теократию вместе с жителями деревни: они уже должны были приблизиться к этой точке своего путешествия, если еще не вошли в нее.

Когда она повернула обратно к тропе, ведущей в узкий овраг, Момон стоял неподалеку, терпеливо наблюдая за окружающей обстановкой.

“Я прошу прощения за то, что заставила вас прислуживать мне”, - сказала Людмила, подходя к нему.

Вместо того чтобы продолжить свой путь, Момон повернулся, чтобы встать и посмотреть ей в лицо. Людмила в замешательстве замедлила шаг, прежде чем остановиться перед ним.

“Вершина тропы находится в нескольких сотнях метров над нами”, - ответил он на невысказанный вопрос, сформировавшийся на ее лице. “Если вы не возражаете, я хотел бы сэкономить нам немного времени”.

“Я не возражаю, - замешательство Людмилы только усилилось после того, как он заговорил, - но что вы имеете в виду?”

Момон надежно закрепил сумку, которую он нес для нее, на одном плече.

“... ну, так было бы быстрее продемонстрировать”, - сказал он. “Пожалуйста, держите свою сумку перед собой”.

Сняв с плеча свою собственную сумку, она держала ее перед собой обеими руками.

“Как тхи-эйх?!”

Людмила не успела среагировать, как ее сбило с ног, и она внезапно оказалась в объятиях Момона. Прежде чем она смогла произнести что-нибудь еще в своем удивлении, он бросился с тропы и прорвался сквозь путаницу ветвей над головой. У нее перехватило дыхание, а разум закружился, пытаясь найти смысл в происходящем. Пейзаж расплывался, когда они совершали свой быстрый подъем, ненадолго попадая в фокус всякий раз, когда он приземлялся на землю – только для того, чтобы снова стать размытым пятном, когда он совершил еще один прыжок через полминуты, повергнув ее чувства в хаос. Не прошло и минуты, как она обнаружила, что ее осторожно ставят обратно на ноги, намного выше того места, откуда они начали.

Она неуверенно пошатнулась на мгновение, прежде чем ее ноги подкосились, и она упала на спину, ошеломленно уставившись в небо. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, как дышать.

“Уму”, - Момон издал удовлетворенный звук.

Это вообще какое-то слово? Она задавалась вопросом, когда Адамантитовый Искатель Приключений отошел от того места, где она лежала.

Людмила смутно слышала женский голос в том направлении, куда ушел Момон. Повернув голову, чтобы посмотреть сквозь мертвую траву, она увидела Набе, разговаривающую с Момоном, и поняла, что это был первый раз, когда она действительно слышала ее разговор. Однако, поскольку ее сердце все еще пыталось выскочить из ушей, она не могла разобрать, что они говорили.

На некотором расстоянии от того места, где они стояли, стояла пара прекрасных скакунов. Должно быть, они оставили их здесь, чтобы спуститься в овраг, но оставлять лошадей в такой глуши казалось ужасно рискованным решением. Ее багаж уже был привязан к ним, когда она снова встала на ноги и, пошатываясь, подошла. Взглянув на ближайшую к ней лошадь, что-то показалось ей определенно странным. Несмотря на внешность прекрасного жеребца, черный как смоль боевой конь, казалось, никак не реагировал на ее присутствие. Или дышать. Когда она подошла ближе, чтобы осмотреть странного зверя, она также не почувствовала никакого тепла тела.

“Это лошади-големы”, - сказал Момон. “призванные верховые животные, на случай, если вам интересно”.

Момон встал позади нее, в то время как Набе одним грациозным движением взобралась на лошадь перед ней.

“Вы поедете с Набом, баронесса. Отсюда мы сможем хорошо провести время”.

Момон помог Людмиле сесть на ее место позади Набе, которая, казалось, не обращала на них никакого внимания. Убедившись, что его подопечный надежно закреплен и ему удобно, он направился к своей лошади. Двое Искателей приключений погнали своих лошадей вверх по оставшейся части тропы к лесу, и Людмила поправила свой растрепанный шарф и накидку, когда они перешли на быструю рысь, пока тропа не соединилась со старой дорогой, где она

обрывалась у разрушенного моста. Здесь рысь перешла в галоп, и вместе лошади-големы помчались сквозь подлесок.

Когда Набе был так близко, Людмила не могла не таращиться на открывшееся перед ней зрелище. Длинный блестящий конский хвост слегка шевелился, пока они ехали, но под ним она увидела, что ее затылок был таким же лысым и невыразительным, как и ее лицо: казалось, у нее даже не было ушей. Как раз в тот момент, когда Людмила собиралась протянуть руку, чтобы попытаться слегка прикоснуться к тому, что она увидела, Момон откашлялся в сторону.

Она быстро отдернула руку. Может быть, это была не такая уж хорошая идея.

“Я так понимаю, из того, что ты сказал ранее, - сказал Момон, - при Переоценке все не так, как было раньше?”

Темный воин подвел своего скакуна к Набу, достаточно близко, чтобы его голос был отчетливо слышен сквозь встречный ветер. Людмила покачала головой в ответ на его вопрос.

“Я не могу говорить за другие территории, ” сказала она, “ но наше поместье всегда было маленьким. Однако он никогда не был таким пустым, как сейчас ”.

Несмотря на их быстрое продвижение по лесной тропе, беседовать было нетрудно. Странные конные големы двигались плавной, неестественной походкой – более устойчивой, чем любая повозка или экипаж в ее ограниченном опыте.

“Тогда причина должна быть...”

“Катце, да”, - сказала она.

Она не дорожила этим воспоминанием, но чувствовала себя обязанной поделиться своей историей с человеком, который проявил к ней столько терпения.

“Мой лорд-отец отбыл со своим войском больше месяца назад”, - сказала она, поудобнее устраиваясь в седле, “после того, как король призвал свои знамена встретиться с Империей лицом к лицу для ежегодной стычки. Обычно после нескольких недель на поле боя наши люди возвращались без происшествий”.

Момон молчала, пока она рассказывала о своем рассказе, и даже Набе, казалось, обратила на это внимание, слегка повернув голову.

“Любой дворянин, знакомый с порядком в своих владениях, к настоящему времени понял, что это означало, что Империя просто хотела досаждать нам, не теряя слишком много своих собственных сил”, - продолжила Людмила. “Их целью в предыдущие годы было связать нашу рабочую силу и вмешаться в деятельность, связанную с осенним сезоном сбора урожая”.

“Ты знал об этом, - вмешался Момон, - и все же ты участвовал в их схеме?”

“Дело не в том, что с вами играют: армию на вашей границе нельзя игнорировать”, - пожала плечами Людмила. “Если их целью было помешать нашей сезонной деятельности ... тогда без сопротивления они могли бы перейти к уничтожению наших полей или еще хуже – в конце концов, эти противостояния происходят после официального объявления войны. Даже самые сильные свиты Восстановления не могут надеяться сравниться с мощью Имперских легионов, поэтому нашим лучшим способом действий было объединить наши силы в армию, достаточно большую, чтобы угрожать им неприемлемыми потерями, если их проигнорировать. Э-Рантель

стоит над низменностями, которые обозначают самый легкий путь в Королевство, так что ареной для противостояния, естественно, будут близлежащие равнины Катце.

Теперь, когда их разговор вращался вокруг знакомых ей вопросов, Людмила говорила более свободно, механически опираясь на свои личные знания, образование и опыт.

“А как же тогда насчет рейдов?” Момон спросил: “Когда все ваши силы сосредоточены в одном районе, разве не было бы проще послать отдельные силы для нападения на ваши незащищенные земли, чем противостоять массе набранных войск?”

Людмила нахмурилась. В этот момент ей очень хотелось, чтобы ее проверяли. Напомнив себе, что она разговаривает не с другим дворянином, а с сильным и волевым Авантюристом, она ответила тщательно подобранным тоном.

“Ну, это привело бы к хаосу”, - ответила она. “Никто этого не хочет”.

Она сделала паузу на мгновение, чтобы найти слова, чтобы описать ему сценарий.

“Империя, конечно, могла бы сделать то, что вы говорите, но это привело бы к эскалации конфликта и толкнуло бы его в нежелательном направлении. Королевство ответило бы тем же – повсюду были бы бродячие отряды солдат. Легионы Империи в основном состоят из тяжелой кавалерии, поддерживающей основную часть тяжелой пехоты, все они, по крайней мере, в умеренной степени обучены, а над ними поставлены опытные офицеры. Недостатком этого является стоимость содержания выдающихся профессиональных военных – она такова, что каждый легион относительно невелик”.

По крайней мере, так ее отец рассказывал о расположении войск каждый год. Это был вопрос, заданный несколько лет назад, в котором спрашивалось, почему Империя не сделала в точности так, как предложил Момон.

“Сбор, собираемый для этой ежегодной стычки, состоит в основном из не прошедших сезон арендаторов и отбросов в виде отрядов наемников, - продолжила свое объяснение Людмила, - в зависимости от ресурсов каждого отдельного лорда. Если бы стычка переросла в полномасштабный конфликт, налог увеличился бы до гораздо больших размеров, и знатные свиты были бы призваны на войну. Фактически, поскольку элита свиты Королевства в значительной степени задействована в легкой кавалерии, Империя фактически находится в невыгодном положении, пытаясь одновременно сдерживать рекрутов и перехитрить свиты, если они были развернуты. Война выйдет из-под контроля: торговля замедлится до ползания, другие стороны будут втянуты в конфликт, и обе стороны получат бессмысленный ущерб своим землям.

В конечном счете, однако, ни один рейд Империи все равно не сможет пройти мимо Э-Рантела. Любая вылазка на нашу территорию армии, прошедшей этот пункт, будет перехвачена ответом, который имеет гораздо меньшее расстояние для перемещения – замки и другие укрепленные позиции существуют именно по этой причине. Это было бы равносильно глупому шагу, и никто из тех, кто занимает руководящую должность, не будет оставаться таким дураком очень долго и рассчитывать сохранить свое положение. Цель территориального конфликта - вынудить к уступкам, а не бессмысленно опустошать те самые земли, которые кто-то пытается захватить”.

Людмила остановилась, чтобы достать флягу с водой из сумки, привязанной к боку лошади. Когда она сделала глоток, чтобы прочистить пересохшее горло, Момон задал неожиданный вопрос:

“Ты действительно девочка-подросток?”

Приступ кашля охватил ее, и она отвернула голову от спины Наби, чуть не уронив свою фляжку. Она бы размышляла над тем, обижаться или нет, если бы не боролась за дыхание.

“Что вы имеете в виду под этим?” Наконец ей удалось вежливо выдать из себя сквозь слезы.

“Хм... как бы это сказать”, - Момон сделал паузу в раздумье. “Большинство молодых женщин примерно твоего возраста, похоже, интересуются ... другими вещами. Они, конечно, не говорили о государственных и военных делах так, как вы.

Набе пренебрежительно фыркнул в ответ на его слова, а Людмила задумалась над ними, рассеянно глядя на густой подлесок леса и вытирая лицо носовым платком.

“Если бы обстоятельства сложились иначе и известный человек, с которым я был знаком, пришел и поговорил со мной, я мог бы действовать по-другому ...” Голос Людмилы затих, когда она вспомнила прошлогодний визит в столицу герцогства. “Простолюдинки ведут гораздо более простую жизнь и, безусловно, имели бы свободу вести себя более легкомысленно. Дворяне, независимо от пола, должны обладать, по крайней мере, базовыми знаниями, необходимыми для управления своим собственным королевством. В конце концов, никто не хочет видеть, как наследство, создаваемое поколениями, растрачивается из-за снисходительного расточителя наследника, а леди, которая не может помочь в управлении поместьем своего мужа, находится в невыгодном положении по сравнению с тем, кто может.

Людмила задавалась вопросом, почему ее заставили отвечать на эти странные вопросы – как будто у Авантюристки был смехотворно фантастический образ аристократии, похожий на сказки, которые рассказывают барды в дешевых тавернах, высмеивая фантастически глупых дворян. Хотя не все знатные семьи обладали более воинственным мышлением пограничного дома, подобного ее собственному, достижение положения власти и поддержание его было монументальной задачей, наполненной обязанностями, которые занимали большую часть повседневной жизни дворян и их вассалов. Грубая бесхозяйственность может привести к тому, что их сеньор будет ссылаться на нарушение служебных обязанностей как на справедливую причину, чтобы лишить их титулов и передать их другому ... или оставить их себе. Ни один благородный дом не желал, чтобы их труды нескольких поколений были изъяты таким образом. Даже если чей-то сеньор не обращал внимания на происходящее, разрушения, вызванные небрежностью, все равно рано или поздно настигли бы его.

Однако Момон продолжил свои вопросы, по-видимому, не убежденный.

“Тогда как насчет Королевского двора?” - Спросил он.

“Королевский двор?”

“Да”, - кивнул он. “Я слышал, что говорили, что во времена, предшествовавшие событиям в Катце, Великие Дома Переоценки относились к этому делу как к тривиальному событию. Также утверждается, что они были больше озабочены вопросами престижа и использовали длительные дебаты по поводу конфликта как средство маневрирования в своей собственной внутренней борьбе за власть. Учитывая, что Имперская армия угрожает границам Королевства, вряд ли сейчас подходящее время и место для такого поведения.

Людмила ошетилилась при словах “тривиальное событие”, но придержала язык, чтобы не поддаться на провокацию. Конечно, все это было катастрофой для Дома Заградников, но помимо этого...

“Все должно быть так, как ты слышал”, - сказала она.

“Вы хотите сказать, что такое поведение должно быть прощено?” В тоне Авантюриста слышался намек на недоверие.

Молодая аристократка поджала губы, думая о том, как выразить то, что она поняла.

“Любой дворянин, который просматривает свои счета, должен был знать о постоянном дефиците, вызванном затруднением осеннего сезона – даже если бы они не были осведомлены о конкретных деталях, они определенно почувствовали бы, что их кошельки сокращаются. Однако вассалы короля не могли ничего сделать напрямую, что могло бы изменить медленно раскрывающийся исход стратегии Империи. Каким бы богатым или могущественным ни был любой из Великих Домов, по отдельности они недостаточно могущественны, чтобы противостоять Империи в одиночку. Импульсивное нападение на Империю в одиночку как на единственного лорда в некоторой мании величия привело бы только к их полному уничтожению имперскими легионами, ослабив объединенную военную мощь Восстановления.

Ситуация была невыносимой, но, в конце концов, только руководство короля могло сплотить дворян и положить конец хищничеству Империи. Такой второстепенный дом, как мой, не посвящен в то, было ли всей мощи Королевства достаточно, чтобы положить конец планам Империи, но окончательная власть принадлежит трону. Это решение должен принять король, и Великие Дома - его вассалы, которые должны вести за собой решительные действия. Следует отметить, что, несмотря на всю их борьбу за престиж, Великие Дома мобилизовались, когда было принято решение. Это не что-то, что можно сделать в мгновение ока - на большую территорию уходит до года, чтобы полностью подготовиться и мобилизовать войска, а это означает, что они уже взяли на себя превентивные обязательства по защите Королевства и просто ждали разрешения на войну.

Если король не будет вести, его дворяне не последуют за ним. Без четкого руководства вполне естественно, что аристократия продолжает отстаивать свою часть дворянского контракта и обеспечивать выдвижение интересов своих соответствующих феодалов – будь то представление их непосредственно Королевскому двору или посредством дипломатии с другими дворянами и влиятельными партиями. Вассалы короля будут просто продолжать выполнять свои обычные обязанности, пока не поступит иного распоряжения.

Момон снова опустил руку в перчатке под шлем; он не мог на самом деле погладить подбородок в задумчивости через пластинчатый доспех, но Людмила предположила, что это служило цели показать, что он глубоко задумался.

“Таким образом, даже зная результаты в конце концов, - сказал он, - вы все равно придерживаетесь своих рассуждений”.

Людмила прищурила глаза. Она уже слышала это юношеское объяснение раньше от более неразумных членов ее круга общения.

“‘Знание результатов’ - причудливая фантазия при оценке прошлых решений”, - раздраженно ответила она. “Есть только то, что человек знает в то время, когда принимаются решения”.

Она сделала паузу на мгновение, чтобы исправить свой тон, не желая бессмысленно раздражать своего сопровождающего.

“Если верить показаниям, которые я получил, то “Переоценка” ничего не могла бы сделать против этой катастрофы. Потери намного превосходят любые разумные ожидания, основанные

на прошлых конфликтах. В прежние годы мой лорд-отец брал с собой чуть больше нескольких дюжин человек и возвращался с таким же количеством. Это всегда было скорее символическим зрелищем, чем настоящей битвой: демонстрацией власти и богатства – не только между Королевством и Империей, но и между благородными домами. Если бы кто-то заявил, что почти все погибнут, его, скорее всего, сразу же отвергли бы как бредового... или сочли бы трусом”.

<http://tl.rulate.ru/book/82817/2627137>